

«Я — узник своей профессии»

ММКФ-2005

ИЗВЕСТИЯ: Тульс Люпер бесконечно переходит из одной тюрьмы в другую. По-вашему, все мы узники. А сами вы заложник чего?

Гринуэй: Вы — заключенная, потому что вы — молодая журналистка, которая с ужасом представляет, что ей скажет начальство, если она вместо своих вопросов и моих ответов принесет в редакцию мои вопросы и свои ответы. В сущности, быть заключенной не так уж плохо, потому что память о том, что у тебя есть сторожа, дисциплинирует. А я? Сейчас я — ваш заложник. Если же говорить в более общем плане, то я — узник своей профессии. В работе кинорежиссера есть определенные правила, которым ты должен следовать, ограничения и компромиссы, на которые ты вынужден соглашаться.

ИЗВЕСТИЯ: В своих фильмах вы повсеместно используете не только последние достижения компьютерной графики, но и живопись, танец. Будущее за синтетическим искусством?

Гринуэй: Искусство всегда было синтетическим. Поэтому с точки зрения эстетики я ничего не изо-

бретаю, я просто пользуюсь самыми современными технологиями. По-моему, художник не имеет права игнорировать образ мыслей и технические достижения своего поколения. А так как с целлулоидным кино, которое люди смотрели в странных заведениях под названием «кинотеатр», — это явление я называю «синдромом «Касабланки» — сегодня покончено, то я занимаюсь тем видом искусства, которое пришло на смену классическому кинематографу. Я называю его эстетической технологией. То есть моя задача — по возможности преодолеть ограничения, которые накладывает на нас кино, например прямоугольный экран, а также найти правильное сочетание материала, из которого ты создаешь произведение искусства, и выбранной темы. Глупо делать Тадж-Махал из пирожного.

ИЗВЕСТИЯ: Вы считаете, что с кинотеатрами покончено. Где люди должны смотреть ваши фильмы?

Гринуэй: На домашних кинотеатрах с максимально большими экранами. У такого способа просмотра есть по меньшей мере два преимущества: во-первых, возле тебя никто не воняет, не храпит, не чавкает, а во-вторых, ты в любой момент можешь остановить фильм и пойти перекусить или вообще возобновить просмотр только на следующий день. Для моих фильмов такой подход особенно хорош, потому что «Чемоданы Тульсы Люпера», например, длятся больше 6 часов. За один присест посмотреть весь фильм невозможно, да и чтобы понять настоящее произведение искусства, нужно обратиться к нему несколько раз.

ИЗВЕСТИЯ: Ваши фильмы сложны для восприятия. Вы никогда не боялись отпугнуть зрителя?

Гринуэй: Я снимаю кино уже 30 лет, и раз сегодня вы пришли брать у меня интервью, значит, я все делаю правильно.

ФОТО: ГЛЕБ ЩЕЛКУНОВ «ИЗВЕСТИЯ»

«БУДЕМ ГОВОРИТЬ О ВАС,
А НЕ ОБО МНЕ»

Общение светила британской кинематографии с «Известиями» проходило довольно экстравагантно: пять из десяти минут, отведенных на интервью, Гринуэй выяснял у корреспондента, кто он такой и чем увлекается. На скромные возражения, что, мол, читателям интересен Питер Гринуэй, а не журналист, режиссер возмущался: «Вы меня знаете, я вас — нет. А раз уж я трачу свое время на интервью, то должна же мне быть о этого польза. Честное слово, кинематограф выигрывает больше, если мы будем говорить о вас, а не обо мне!»